

Критические этюды

Русская интеллигенция опять переживает переходную эпоху, опять стоит на распутье.

Развенчиваются кумиры, в которых недавно так пламенно веровали. Недавно выработанное мирозозерцание объявляется несостоятельным во многих отношениях. Производится коренной пересмотр его предпосылок. "Истине девяностых годов" перестают служить с восторженной преданностью. Материализм теряет в глазах интеллигентов свое обаяние. Интеллигенты начинают возвращаться к тому, что, казалось, бесповоротно было отвергнуто материалистической критикой. Возрождаются старый романтизм и романтический идеализм. Раздаются голоса, проповедующие о необходимости воскресить метафизику. Искусство заражается иррациональными настроениями. Вновь различные индивидуалистические течения начинают завоевывать себе права гражданства. Создаются теории, пытающиеся узаконить индивидуализм и романтический идеализм, примиривши их с враждебными им направлениями, вводя их в обиход общественных наук. Одним словом, совершается резкий культурный перелом.

Что же случилось? Что означает этот перелом? Чем он вызван?

Этот перелом означает, что современные прогрессисты обратили особенное внимание на свои собственные интересы, интересы интеллигенции, почувствовали потребность сделать более полной свою собственную жизнь, расширить рамки своего собственного существования, воспитать и развить свою личность.

Несколько лет тому назад собственные интересы отодвигались передовой интеллигенцией на задний план. Интеллигенция как бы забывала о себе, о своем собственном существовании. Среди прогрессистов пользовался большой популярностью взгляд, согласно которому интеллигенция не признавалась за особую общественную группу и отрицалась возможность для нее играть самостоятельную роль в ходе исторического прогресса. Интеллигенция жила исключительно интересами других общественных групп, интересами народа, интересами обездоленных и униженных. Но это был благородный альтруистический подвиг с ее стороны, который вскоре оказался не под силу очень и очень многим прогрессистам.

Дело в том, что в продолжение девяностых годов быстро росли и формировались ряды интеллигенции. Интеллигентный труд получил особенно широкое развитие. Интеллигенция поставила на первую очередь вопрос своего собственного труда. У интеллигенции явились свои собственные интересы. Интеллигенция начала сознавать себя обособленной общественной единицей.

Никогда раньше русская литература так много не занималась изображением своего собственного быта, как именно в девяностые года, никогда раньше изображение этого быта не отличалось такой полнотой, никогда литература не охватывала так широко различных слоев интеллигентного общества, начиная с "передовой" интеллигенции и кончая интеллигенцией, всецело погруженной в профессиональные интересы [1].

В то же время сами условия интеллигентного труда, его особенности заставляли интеллигенцию выработать своеобразный взгляд на отношения между нею и теми людьми, от кого она экономически зависела. В основу этих отношений лег психологический момент.

Интеллигенты, очутившиеся на службе у "хозяев исторической сцены", прежде всего, заговорили об умалении своей "человеческой сущности", о том, что механический труд убивает в них личность, уменьшает жизнеспособность их душевных сил, обращает их из живых существ в машины, из "целых людей" - в "дробь". Интеллигенты начали страдать не столько от тяжести труда, сколько от его "пустоты" [2]. В "хозяевах исторической сцены" они увидели, прежде всего, людей, посягающих на их душевный мир, прежде всего, носителей грубо-материалистического, торгашеского начала, замораживающего человеческую душу. И с этой точки зрения, вся разношерстная "буржуазная толпа" слилась в их глазах в одну сплошную серую массу, среди которой все - "буржуй" и "буржуа", предприниматель средней руки и крупный капиталист приняли образ "мещанина-филистера". Везде вокруг себя интеллигенты увидели царство грубого филистерства. Гипноз этого филистерства, этого "лавочного материализма" они сочли худшим из всех возможных бедствий. Они почувствовали себя совершенно подавленными отовсюду грозившим филистерством, они почувствовали себя совершенно одинокими людьми, затертыми серой массой, они назвали себя томящимся в неволе "диким конем", который тоскует о свободе и рвется туда, "где блещет степь и луг" [3].

Интеллигенции была поставлена новая задача: освободить свою душу от посягательств на нее филистерства и "мещанского" материализма, освободить в себе "истинное и неизменное" начало, свое личное я, существующее вне времени и пространства" и не принадлежащее ничему и никому - ни